КІЕВСКІЯ
ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

16-го марта № 6. 1867 года.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

СЛОВО

при погребеніи тайнаго совѣтника А. К. Ключарева.

Блажени мертвіи, умирающіи о Господѣ отнынѣ: ей, глаголетъ Духъ, да почіютъ отъ трудовъ своихъ! (Апок. 14, 14).

Духъ Божій говоритъ это, и никто, кромѣ Бога, не могъ бы дать смертнымъ такого завѣренія.

Смерть—тайна для смертнаго. Въ тотъ же мигъ, какъ человѣкъ переступаетъ порогъ этой жизни, двери за нимъ затворяются, и никто изъ остающихся здѣсь не проникаетъ взоромъ своимъ вслѣдъ за отшедшимъ. Онъ былъ, и нѣтъ его: гдѣжъ онъ? Тайна для живыхъ, пока они живы, и остается каждому ожидать рѣшенія этой тайны въ собственной смерти.

Но если всякая неизвѣстность въ дѣлахъ, касающихся насъ болѣе или менѣе близко, тяготитъ нашу душу, то неизвѣстность судьбы нашей по ту сторону

гроба способна омрачить всю настоящую жизнь нашу. Что значитъ умереть?—Уничтожиться? Страшнѣе этого смысла слова ничего не можетъ быть для сознающаго бытіе свое. Преобразиться въ другой видъ бытія, вступить въ иную область жизни? Но въ какой же видъ, въ какую же область? Ничего мы не знаемъ сами по себѣ. Стоишь у гроба и невольно повторяешь вопросы, изъ вѣка въ вѣкъ переходящіе и ни въ какое время нерѣшимые для самаго человѣка: *что сіе еже о насъ бысть таинство? Како предахомся тлѣнію? Како сопрягохомся смерти?*

Но вотъ изъ области вѣчной жизни, отъ лица Того, Кто самъ есть жизнь первая и послѣдняя, для Кого нѣтъ границъ, отдѣляющихъ видимое отъ невидимаго, настоящее отъ будущаго, слышится слово, рѣшающее тяжелыя недоумѣнія наши: *блажени мертвіи умирающіи о Господѣ: ей, почіютъ отъ трудовъ своихъ!*

Слава Тебѣ, показавшему намъ свѣтъ, озаряющій наше будущее!

Итакъ, смерть есть начало покоя для умирающихъ о Господѣ. Итакъ вѣрующій въ Господа и уповающій на Него, отходя отъ настоящей жизни, оканчиваетъ, или какъ путникъ, болѣе или менѣе продолжительный и трудный путь, или какъ дѣлатель, урочное время не легкаго дѣланія, и для него начинается суббота Божія, за которою нѣтъ уже болѣе дней работныхъ, утомляющихъ и изнуряющихъ человѣка. О, если это откровеніе не имѣетъ для кого-нибудь свойства самой отрадной и желанной вѣсти; то такой человѣкъ или не знаетъ еще жизни, или совсѣмъ не думаетъ о смерти!

Паки и паки слава Тебѣ, показавшему намъ свѣтъ, озаряющій наше будущее!

На сколько свѣтъ сей проникаетъ въ нашу душу и согрѣваетъ наше сердце, на столько взоръ нашъ проясняется и чувство жизни становится легче и свободнѣе.

Смотрю ли, какъ изъ окружающей меня среды смерть уноситъ одну жертву за другою, я думаю не о смерти только, но и о жизни. Что нужды, что люди, какъ зерна, падаютъ въ землю? какъ зерна они и прозябнутъ и возникнутъ изъ земли въ свѣжести новой жизни. Смерть есть посѣвъ для будущей весны. Взойдетъ солнце вѣчной жизни, и на полѣ тлѣнія разцвѣтетъ жизнь нетлѣнная. *Ты еже сѣеши, не оживетъ, аще не умретъ. Сѣется въ тлѣніе, востаетъ въ нетлѣніи.*

Стою ли около гроба дорогаго, близкаго, роднаго мнѣ существа, и тутъ сквозь мракъ скорби лучь животворной мысли и чувства озаряетъ и оживляетъ мое сердце. Чувствую утрату, ничѣмъ не замѣнимую для меня въ настоящемъ; но въ то же время начинаю ощущать сладость надежды на будущее. Горечь потери растворяется пріятностію ожиданія. Въ другой разъ я уже не буду терять того же здѣсь; а что обрѣту тамъ, того уже не потеряю. И вотъ тихое чувство упованія, еще не осушая моихъ слезъ, уже отнимаетъ у нихъ горечь безотраднаго сѣтованія, а возрастая со временемъ, все болѣе и болѣе роднитъ меня съ вѣчностію.

И собственная смерть моя уже перестаетъ смущать меня, не только при мысли о ней, но и при болѣе или менѣе живомъ предчувствіи ея. Любимъ мы жизнь свою, какова бы ни была она; но потому-то тѣмъ менѣе

боимся смерти, чѣмъ далѣе прозираемъ за предѣлы гроба; ибо смерть во времени есть рожденіе для вѣчности.

Объ одномъ остается заботиться намъ, какъ бы *умереть о Господѣ*, то есть, съ вѣрою въ Бога, съ любовію къ Нему, съ упованіемъ на Него, какъ бы намъ, при прощаніи съ настоящею жизнію, можно было сказать о себѣ съ св. апостоломъ, хотя отчасти, хотя не во всей полнотѣ значенія словъ его: *подвигомъ добрымъ подвизахся, теченіе скончахъ, вѣру соблюдохъ: прочее убо соблюдается мнѣ вѣнецъ правды*,.. какъ бы гробъ нашъ внушалъ окружающимъ его не одно чувство страха или скорби, но и свѣтлое чувство упованія: *блажени мертвіи, умирающіи о Господѣ!*

Говоря это для себя и другихъ надъ гробомъ усопшаго брата нашего, мы имѣемъ христіанское утѣшеніе сказать о немъ самомъ: *блаженъ умершій о Господѣ; ей, да почіетъ отъ трудовъ своихъ!*

Да. Довольно было на долю его трудовъ въ настоящей жизни. Почти полвѣка обнимаетъ собою время его служебной дѣятельности. И въ этомъ продолжительномъ служеніи онъ неустанно, безъ перерывовъ, дѣлалъ дѣло свое, посвящая ему всѣ силы и дарованія свои. Измѣнялись поприща его служенія, но не измѣнялся характеръ его дѣятельности. Онъ трудился *не предъ очима токмо работающе*, но исполнялъ долгъ свой, какъ вѣрный слуга Богу, царю и отечеству. Господь далъ ему не одинъ талантъ для дѣланія, одаривъ его здравымъ и свѣтлымъ умомъ, твердою волею и крѣпкими силами тѣлесными, и ни одинъ изъ этихъ талантовъ не закопанъ имъ въ землю, ни одинъ не издер-

жанъ на какую нибудь суету. Это былъ добрый и вѣрный дѣлатель, не поддававшійся искушеніямъ, отъ которыхъ не всегда легко было уберечься въ его положеніи, не склонявшійся предъ неправдою и не измѣнявшій истинно честнымъ убѣжденіямъ своимъ, которыя почерпалъ въ законѣ Божіемъ и въ своей совѣсти. Короче, въ теченіи всего служенія своего, онъ *добрымъ подвигомъ подвизался*. Немного времени осталось ему отъ такого подвига для отдохновенія. Онъ оставилъ обычные труды свои, когда уже силы тѣлесныя оставили его. То была необходимая уступка немощамъ, пора не столько покоя, сколько духовнаго терпѣнія, своего рода подвигъ, только слишкомъ непримѣтный для другихъ.

Теченіе скончахъ, вѣру соблюдохъ: и это послѣднее, самое дорогое для человѣка сознаніе сопутствовало почившему въ вѣчность. Христіанскій взглядъ на всѣ вещи, христіанское простосердечіе во всѣхъ отношеніяхъ житейскихъ, христіанское братолюбіе и незлобіе полагали прекрасную печать на всѣ поступки его и сообщали поведенію его такое достоинство, которое не пріобрѣтается никакимъ обученіемъ и искуствомъ. Но, продолжать ли объ этомъ? Не смущается ли духъ твой, почившій о Господѣ братъ нашъ, словами похвалы нашей? Не велико для тебя имѣть похваленіе отъ насъ, когда ты стоишь теперь предъ Богомъ, внимая Его безконечно-праведному суду, и можетъ быть то самое, что мы желали бы почтить въ тебѣ, какъ лучшее украшеніе твоей жизни, ты самъ находишь слишкомъ малымъ и молишь Бога, чтобы Онъ покрылъ все своею любовію и милосердіемъ. Прости. Не столько въ похвалу тебѣ, сколько въ утѣшеніе и назиданіе себѣ са-

мимъ, мы рѣшились сказать надъ прахомъ твоимъ эти немногія и то, можетъ быть, не совсѣмъ умѣстныя слова...

Тебѣ нужнѣе всего теперь молитвы св. Церкви, и мы соединяемъ съ ними свои слабыя моленія къ общему Творцу и Спасителю нашему, да упокоитъ Онъ духъ твой въ небесныхъ селеніяхъ своихъ, вмѣстѣ со всѣми святыми своими.

Ближніи и други почившаго! Да будетъ память наша о немъ во всякое время молитвеннымъ поминовеніемъ его предъ Богомъ!

Протоіерей *Н. Ѳаворовъ.*

ІОСИФЪ ШУМЛЯНСКІЙ,

епископъ львовскій.

Іосифъ изъ Шумлянъ Шумлянскій, епископъ львовскій, галицкій и каменецкій, администраторъ кіевской митрополіи и кіево-печерскій архимандритъ (какъ онъ самъ подписывался и какъ называли его въ офиціальныхъ документахъ), является въ исторіи церкви нашего края въ ту минуту, когда искуственно созданная брестская унія, потрясенная народнымъ движеніемъ козацкой рати, ослабленная противудѣйствіемъ братствъ, вновь начала проводиться въ жизнь народа, но уже не путемъ соборовъ, а путемъ тайной пропаганды и такимъ же тайнымъ административнымъ насиліемъ.

Личность Шумлянскаго отчасти извѣстна; въ нашемъ разсказѣ къ немногимъ печатнымъ о немъ извѣстіямъ мы постараемся прибавить еще нѣсколько дотолѣ неизвѣстныхъ фактовъ. Іосифъ Шумлянскій происходилъ изъ знатнаго дворянскаго рода, жившаго въ б. русскомъ воеводствѣ; онъ былъ сыномъ Станислава Шумлянскаго королевскаго ротмистра, который, кромѣ Іосифа, имѣлъ еще двѣ дочери и пять сыновей: Самуила чесника подольскаго, Константина войсковаго жидичевскаго, Александра, въ послѣдствіи Аѳанасія,

епископа луцкаго, и Яна. Всѣ эти братья Іосифа, вслѣдствіе женитьбы, вошли въ связи съ многими знатными родами польскихъ дворянъ, и это давало Шумлянскимъ значительную партію приверженцевъ, которые могли поддерживать ихъ дѣла въ Польшѣ, гдѣ единственно сила партіи и количество приверженцевъ рѣшали судьбу лица, а иногда и государства.

Кромѣ кровныхъ связей, Шумлянскіе, принадлежа къ гербу *Корчак*, имѣли еще много связей въ дворянскихъ родахъ, принадлежащихъ къ тому же гербу, и потому ихъ положеніе могло считаться обезпеченнымъ [1]).

Іосифъ Шумлянскій началъ свою карьеру службою въ рядахъ польскихъ войскъ и, находясь подъ знаменами гетмана Собѣсскаго, успѣлъ сблизиться съ нимъ и заискать его расположеніе, которому и обязанъ былъ впослѣдствіи, послѣ вступленія Собѣсскаго на польскій престолъ, тою поддержкою, которую имѣлъ въ борьбѣ съ львовскимъ братствомъ, тому успѣху, которымъ увѣнчано было его стараніе о присоединеніи къ уніи стариннаго русскаго страврописіальнаго братства... Собѣсскій любилъ Шумлянскаго, цѣнилъ его какъ отличное орудіе для введенія уніи, и въ одномъ письмѣ выразился о немъ слѣдующимъ образомъ: tam in bellicis, quam in publicis expeditionibus et functionibus praesentis multoties sat superque insignis [2]).

Въ то время, къ которому относится нашъ разсказъ, епархіальныя должности вообще, а русскихъ епископовъ въ особенности, замѣщались лицами

---

[1]) Нѣсецкій (Herbarz polski, т. V, стр. 226, 227) къ гербу *Корчакъ* причисляетъ 120 родовъ.

[2]) Тамъ же, т. VIII, стр. 633.

невсегда достойными. Высокій духовный санъ давался не всегда лицу, стоящему выше другихъ по своему благочестію и усердію къ религіи; должности эти занимались какъ духовныя староства, какъ сенаторскія и другія мѣста, и для ихъ занятія нужны были только связи, а часто и деньги, которыя вездѣ давали свободный доступъ отъ хижины *загоноваго* шляхтича, крикуна на сеймахъ, отъ двора вельможи сеймовой палаты до королевскаго дворца.

Таково было время: епископы, получающіе епархіи вслѣдствіе дипломовъ королей, которые назывались «духовными раздаятелями каѳедръ духовныхъ и всѣхъ хлѣбовъ духовныхъ»[1]), иногда не рукоположенные патріархами, часто не имѣющіе даже священническаго сана, были изгоняемы изъ своихъ резиденцій другими соперниками, получившими тоже королевскую привилегію, нерѣдко съ толпою вооруженныхъ людей, бравшихъ приступомъ епископскій домъ и соборную церковь[2]). Изъ среды такихъ святителей возникли Поцѣй и Терлецкій, главные виновники брестской уніи; дѣйствовать на такихъ польскихъ вельможъ (только по одеждѣ, а не по образу жизни епископовъ), было очень легко іезуитамъ; епископамъ нужны были деньги и почести, и это все давала покорность уніи, все это терялось при сопротивленіи.

Однакоже ударъ, который нанесенъ былъ польскому государству козацкими войнами, сознаніе, что эти войны прямое послѣдствіе уніи,—сознаніе, жившее глубоко въ умахъ тогдашнихъ поляковъ, все это хотя и не пре-

[1]) Архивъ югозап. Россіи, ч. 2, т. 1, стр. XV.
[2]) Архивъ Югозап. Россіи, ч. 2, т. 1, стр. XXII, XXIII.

кращало интриги, стремившейся къ окатоличенію и постепенному истребленію русской народности и православія, но внушало дѣйствовать поосторожнѣе: уніятскіе епископы существовали на дѣлѣ, но было прилагаемо стараніе, чтобы православные архипастыри были скрытыми уніятами, и такимъ былъ Шумлянскій.

Послѣ смерти львовскаго епископа Желиборскаго, Антоній винницкій, титулярный митрополитъ, назначилъ 4-е число октября 1666 года для избранія новаго епископа. На епископскую каѳедру было два претендента: Евстафій Свистельницкій и Шумлянскій. Оба они имѣли довольно значительныя партіи; но партія Шумлянскаго была сильнѣе, въ числѣ депутатовъ было даже четверо Шумлянскихъ. Но какъ ообщее число избиратателей оказалось недостаточнымъ для рѣшенія столь важнаго вопроса, какъ избраніе епископа; то дѣйствія собранія были отложены до 27 ноября, и послано было прошеніе къ митрополиту утвердить такое распоряженіе.

Шумлянскій опасался потерять перевѣсъ и, пользуясь большинствомъ своихъ приверженцевъ, склонивъ на свою сторону значительное число изъ низшаго духовенства, тайно собралъ свою партію, которая и избрала его епископомъ безъ вѣдома митрополита.

Это вооружило противъ него какъ митрополита, такъ и братство. Митрополитъ послалъ окружное посланіе объ избраніи епископа, и въ началѣ 1667 года избранъ былъ Свистельницкій, а митрополитъ выхлопоталъ ему подтвержденіе въ его санѣ и онъ былъ посвященъ въ епископа митрополитомъ винницкимъ въ ставропигіальной церкви.

Шумлянскій не отчаевался: зная, что король можетъ дать одновременно двѣ привилегіи на занятіе

одной и той же должности, онъ сообразилъ, что въ этомъ дѣлѣ только сильный останется правымъ: собравъ своихъ кліентовъ и поддерживаемый комендантомъ львовскаго замка Казимиромъ Замойскимъ, Шумлянскій съ вооруженными людьми, въ числѣ 200 человѣкъ, ночью напалъ на епископскій домъ, взялъ его приступомъ, при чемъ убито нѣсколько человѣкъ шляхты и духовенства, а находившійся въ домѣ митрополитъ винницкій былъ раненъ саблею по головѣ.

Завоевавъ епископскую каѳедру, Шумлянскій уже безъ труда могъ получить отъ короля утвержденіе въ своемъ санѣ, и онъ получилъ это 26 іюня 1668 г. Ему недоставало только главнаго—посвященія. Не имѣя возможности помириться съ жестоко оскорбленнымъ имъ митрополитомъ винницкимъ, онъ старался снискать расположеніе кіевскаго митрополита Іосифа Нелюбовича Тукальскаго; но какъ для этого требовалось время, то Шумлянскій отправился въ путешествіе и гдѣ-то за границею, въ мѣстечкѣ, называемомъ Высочка, посвященъ 3-го февраля 1668 года какимъ-то неизвѣстнымъ грекомъ Досиѳеемъ, назвавшимъ себя митрополитомъ филипольскимъ и хіосскимъ, и уже послѣ этого отправился въ Украину къ Тукальскому.

Въ описываемое нами время православіе въ предѣлахъ настоящей кіевской епархіи находилось въ очень неотрадномъ положеніи. По смерти Хмѣльницкаго не стало имени, вокругъ котораго могли бы групироваться интересы русскаго народа и русской церкви: преемникъ Хмѣльницкаго Выговскій сталъ въ прямыя отношенія къ Польшѣ, а слѣдующіе за Выговскимъ гетманы: Юрій Хмѣльницкій, Павелъ Тетеря, Опара и Петръ Дорошенко принуждены были дѣйствовать ин гда дву-

смысленно вслѣдствіе исключительнаго положенія, въ которое стала въ то время Украйна. Козаки по обѣимъ сторонамъ Днѣпра имѣли уже два гетманства, оба увлекаемые попеременно въ подданство то поляковъ, то Россіи, а послѣ низложенія Выговскаго съ 1660 года поляки заняли Украйну, которая сдѣлалась съ тѣхъ поръ позорищемъ кровопролитыхъ войнъ.

Въ управленіе кіевской митрополіи вкралась въ то время своего рода анархія. Избранный законно духовенствомъ и дворянствомъ въ 1663 году въ санъ кіевскаго митрополита Іосифъ Нелюбовичъ Тукальскій встрѣтилъ сейчасъ соперника въ лицѣ перемышльскаго епископа Антонія Винницкаго, котораго сталъ поддерживать Тетеря и даже успѣлъ оклеветать Тукальскаго передъ польскимъ правительствомъ такъ, что онъ былъ схваченъ и посаженъ въ крѣпость Маріенбургъ, откуда его освободили козаки только въ 1667 году. Но Винницкому тоже не счастливилось: оба «нареченные митрополиты» не могли ни жить въ Кіевѣ, ни управлять оттуда своей паствой потому, что Кіевъ, переходя изъ рукъ въ руки, сталъ попеременно военнымъ лагеремъ то польскимъ, то русскимъ, то козацкимъ. Какъ Тетеря покровительствовалъ Винницкому, такъ Дорошенко, послѣ паденія Тетери принялъ у себя въ Чигиринѣ Тукальскаго и сталъ держать его сторону; но козаки лѣвой стороны Днѣпра не хотѣли признавать его митрополитомъ, требовали избранія новаго и обратились съ просьбою къ московскому царю. Царь Алексѣй Михайловичъ, не желалъ брать подъ свое покровительство архипастырей, которые, не смотря на переяславскія (1654) и батуринскія (1663 г.) статьи, не *желали быти подъ послушаніемъ патріарха московскаго*, чтобы *духовный чинъ*,

на митрополитовъ подъ рукою королевскою будучихъ оглядываючись, въ шаткости войску вредительной не былъ. Въ это время дѣйствительно въ Кіевѣ были только блюстители кіевской митрополіи: мстиславскій епископъ Меѳодій, а послѣ него архіепископъ Лазарь Барановичъ[1]).

Андрусовскій миръ (20 января 1667 г.) нанесъ русской территоріи чувствительный ударъ; на основаніи этого договора границей Польши сдѣлался Днѣпръ, а Кіевъ отданъ былъ только на два года; хотя Кіевъ и не возвращался болѣе къ Польшѣ, однако же въ это время онъ считался только временнымъ ея достояніемъ, а народъ и духовенство до такой степени пали духомъ, что начали колебаться между Польшею и Россіею [2]).

Тукальскій пользовался репутаціей истиннаго православнаго епискока, имя его было извѣстно какъ по всей Украйнѣ, такъ и въ Польшѣ; Шумлянскій обратился къ нему, заискалъ расположеніе его къ себѣ, выхлопоталъ у Тукальскаго грамоту (отъ 3 декабря 1667 года) къ львовскому братству, чтобы оно не признавало другаго епископомъ, кромѣ *богобоязненнаго* и *православнаго* Іосифа Шумлянскаго. Хотя братство на тотъ разъ и не послушалось митрополита, однакоже его грамота много помогла Шумлянскому; сейчасъ послѣ ея присылки многія церкви въ львовской епархіи признали его власть. Шумлянскій этимъ не довольствовался, онъ сталъ дѣлать подкопы подъ митрополита и, подъ предлогомъ старости и дряхлости Тукальскаго, искалъ у польскаго короля Яна Собѣсскаго титула администратора кіевской митрополіи. Дорошенко, которому

---

[1]) Описаніе кіево-софійск. соб., стр. 192.
[2]) Описаніе кіево-софійск. собора, стр. 193.

не могли быть тайными интриги Шумлянскаго, приказалъ схватить его въ Могилевѣ на Днѣстрѣ и заключить въ Чигиринѣ; но тутъ ему удалось во второй разъ обмануть митрополита, и вслѣдствіе его ходатайства онъ былъ отпущенъ на волю въ 1671 году.

Не смотря на то, что въ 1670 году патріархъ константинопольскій утвердилъ Тукальскаго въ санѣ кіевскаго митрополита и запретилъ другимъ именоваться митрополитами, разстройство южной іерархіи не прекращалось: духовенство, дворяне и козаки составили отдѣльныя партіи; дѣло доходило до того, что козаки лѣвой стороны Днѣпра желали упразднить въ Кіевѣ митрополію и перенести ее въ Переяславль.

Въ такомъ положеніи польское правительство могло дѣйствовать смѣло: завладѣвъ послѣ андрусовскаго договора всѣми митрополичьими имѣніями, рѣшилось прибѣгнуть къ предложенію Шумлянскаго, и онъ былъ назначенъ администраторомъ кіевской митрополіи и кіево-печерскимъ архимандритомъ [1]). Въ дипломѣ, отъ 10 марта 1671 года, Шумлянскому давалось право распоряжаться всѣми дѣлами епархіи съ полною властію надъ монастырями и надъ имѣніями, принадлежащими къ кіево-печерской лаврѣ. Шумлянскій пожелалъ еще больше, и потому личные его интересы пришли въ столкновеніе съ интересами какъ короля, такъ и польскаго государства, начались ссоры, протесты, заѣзды и наконецъ дѣло это имѣло вліяніе на охлажденіе взаимныхъ отношеній короля и епископа, и помѣшало даже дѣлу уніи.

---

[1]) Книга Гродская кіевск. 1689, 1688 г. листъ 154.

Съ 1673 по 1676 годъ, Шумлянскій велъ упорную борьбу съ львовскимъ ставропигіальнымъ братствомъ, стараясь подчинить его своей власти; братство сопротивлялось тоже энергически и даже принудило Шумлянскаго выступить изъ дома, который онъ прежде нанималъ у братства и за наемъ коего пересталъ платить, сдѣлавшись епископомъ. Въ этой борьбѣ Шумлянскій испробовалъ и крутыя и миролюбивыя мѣры, и такъ:

9 іюня 1673 года онъ предписалъ духовенству не совершать никакихъ требъ въ братской церкви; 28-го іюля сдѣлалъ распоряженіе, отъ котораго братство могло получать значительный доходъ, а именно онъ отказалъ въ пользу братства наслѣдовать имущество, оставшееся послѣ смерти монаховъ Онуфріевскаго монастыря. Братство осталось равнодушнымъ. Относительно дома Шумлянскій прибѣгалъ подъ покровительство короля, но не смотря на рескриптъ Яна III, братство не поддалось. Послѣ онъ написалъ къ братству письмо, въ которомъ и просилъ и ласкалъ; но когда и это не принесло никакихъ результатовъ, онъ опять прибѣгъ къ крутымъ мѣрамъ:

20 апрѣля 1676 года Шумлянскій далъ знать, что пріѣдетъ ревизовать братскую церковь и братскіе документы, но братство церковь заперло, а документовъ не дало. Богъ знаетъ, какъ долго велись бы эти споры, если бы не смерть Свистельницкаго, которая освободила Шумлянскаго отъ соперника, а братству не оставалось ничего болѣе, какъ идти на мировую. Сдѣлка состоялась.

Какъ только львовское братство признало Шумлянскаго своимъ епископомъ, дѣло уніи подвинулось далеко впередъ.

Въ 1676 году Шумлянскій отправился въ Варшаву, и въ присутствіи короля и нунція отрекся отъ православія. До времени ему приказано было скрывать свой поступокъ, хотя онъ готовъ былъ публично тогда же принести присягу папѣ; отъ него только потребовали письменнаго документа о принятіи уніи, и онъ подалъ его королю на сеймѣ въ Гродно 1677 года. Въ то самое время скончался кіевскій митрополитъ Тукальскій, Антоній Винницкій не жилъ ни въ Кіевѣ, ни на Украинѣ; Чигиринъ заняли турки и кіевская епархія оставалась безъ пастыря. Шумлянскій, какъ администраторъ митрополіи, старался о полученіи отъ польскаго правительства сана митрополита; но ему было отказано.

Есть данныя предполагать, что Шумлянскій именно потому не былъ назначенъ кіевскимъ митрополитомъ, чтобы разъединить духовную власть кіевскихъ первосвятителей. Іезуиты знали, что русскій народъ вдругъ всенародно не подчинится уніи и потому расчитали, что будетъ болѣе выгоднымъ положеніе, если подъ покровительствомъ русскихъ царей будетъ избранъ православный митрополитъ и рукоположенъ московскимъ патріархомъ: можно оспаривать его власть духовную на томъ основаніи, что кіевскіе митрополиты всегда зависѣли отъ константинопольскаго патріарха; опираясь на ставропигіальныя права кіевскаго братства и раздувая страсти можно было съ другой стороны имѣть преданнаго себѣ администратора въ лицѣ Шумлянскаго, которому и предписано было играть роль православнаго епископа.

Но все таки нужно было дѣйствовать, нужно было приготовлять умы къ уніи. Шумлянскій опять началъ съ львовскаго братства. Изданы были одно за другимъ

три предписанія, чтобы безъ его дозволенія братство не смѣло печатать книгъ. Братство пришло въ ужасъ: оно знало, что цѣль цензуры состояла въ томъ, чтобы въ книгахъ не помѣщались вещи вредныя для уніи; оно начало хлопотать и даже давать деньги королю, но это не помогло: 30 декабря 1677 года король Янъ III издалъ рескриптъ, которымъ запрещалось братству печатать въ своей типографіи книги безъ дозволенія и цензуры епископа, предписывалось поставить въ братской церкви епископскій престолъ и давать ему отчетъ въ денежныхъ средствахъ. Братство въ отчаяніи положило не щадить денегъ и выиграло: король приказалъ «*прекратить дѣло по жалобѣ владыки разъ на всегда*» Шумлянскій долженъ былъ уступить; но онъ взялъ отъ братства 1000 злотыхъ за письменное обязательство прекратить тяжбу и подтвердить всѣ древнія привилегіи братства.

Вслѣдъ за симъ польское правительство задумало сыграть комедію на мотивъ уніи, въ которой Шумлянскому поручена была главная роль:

Королевскимъ универсаломъ, отъ 9 го октября 1679 года, назначенъ былъ на 14 число января 1680 года съѣздъ въ Люблинѣ для диспута о вѣрѣ между уніатами и православными. Не смотря на всѣ старанія іезуитовъ и уніатовъ, православные, въ главѣ которыхъ стоялъ Шумлянскій, не соглашались вступать въ пренія и «все при томъ стояло, ижъ безъ волѣ и вѣдома первѣйшаго отца своего пастыря патріарха константинопольскаго, починати ни чего не можетъ и не хочетъ» [1]). Шумлянскій пошелъ еще дальше: онъ

---

[1]) **Лѣтопись Величка, т. 2, стр. 486.**

отправилъ къ королю пословъ съ прошеніемъ состоящимъ изъ пяти пунктовъ, въ которомъ ходатайствовалъ о сохраненіи древнихъ правъ православія и народа русскаго.

Въ слѣдующемъ 1681 году, польское правительство назначило комисаровъ для письменнаго изложенія тѣхъ выгодъ и почестей, которыя могутъ получить русины, если они перейдутъ въ унію.

Шумлянскій, все еще лицемѣря въ глазахъ народа, представилъ на люблинскомъ сеймѣ пункты согласія на унію и, кромѣ того, написалъ письмо къ папѣ Иннокентію XI-му. Въ письмѣ этомъ онъ идетъ дальше условій уніи, принятыхъ Поцѣемъ и Терлецкимъ въ 1596 году: онъ принялъ безпрекословно въ сvмволѣ Вѣры Filioque [1].

Это письмо было писано 27 марта 1681 года, одновременно съ пунктами секретнаго согласія на унію, представленными на люблинскомъ сеймѣ отъ имени Шумлянскаго и Жоховскаго. Если сравнить между собою эти два документа, для насъ станетъ ясною мысль, руководившая ихъ авторомъ: какъ въ письмѣ къ папѣ Шумлянскій не колеблется письменно заявить, что онъ принимаетъ Filioque, такъ въ пунктахъ согласія онъ заботится о сохраненіи всѣхъ древнихъ и даже прибавленіи новыхъ правъ для уніатовъ: онъ не забываетъ и о мѣстѣ въ сенатѣ для уніатскихъ епископовъ, какъ равно требуетъ сохранить неприкосновенными всѣ обряды восточной церкви.

(Окончаніе будетъ).

---

[1]) Лѣтопись Величка, т. 2, стр., 505.

БИБЛІОГРАФІЯ.

1) *Замѣтки о воспитаніи дѣтей.* Сочиненіе Николая Даниленка. Полтава. 1866 года [1]).

2) *Дидактическіе совѣты для наставниковъ народныхъ училищъ.* (Очеркъ общей дидактики). Ив. Малышевскаго. Кіевъ. 1866 года [2]).

Съ большой охотой прочитали мы указанныя книги. Появленіе ихъ какъ нельзя болѣе своевременно.

Всякій изъ насъ помнитъ, конечно, какіе горячіе и долго неумолкавшіе споры велись въ нашей свѣтской и духовной литературѣ по вопросу о томъ, кому ближе всего и надежнѣе ввѣрить, поручить дѣло народнаго образованія; всякій помнитъ, конечно, что нежелающіе ввѣрить его духовенству твердили одно, что духовенство, развлеченное множествомъ обязанностей семейныхъ, пастырскихъ, хозяйственныхъ, а главнымъ образомъ нисколько неподготовленное къ столь важному дѣлу, какъ народное образованіе, не знакомое нисколько даже съ основными правилами педагогіи, не можетъ, и

---

[1]) Жаль, что цѣна книгѣ не означена; съ требованіемъ же за ней слѣдуетъ обращаться въ редакцію Полтавскихъ Епархіальныхъ вѣдомостей.

[2]) Цѣна книгѣ 25 коп.; съ требованіемъ за ней можно обращаться въ редакціи духовныхъ журналовъ, издающихся при кіевской академіи, или же прямо къ автору ея—профессору академіи И. И. Малышевскому.

не должно завѣдывать имъ. Теперь настало время отнять у противниковъ главное—послѣднее оружіе, которымъ они, впрочемъ совершенно безвредно, поражали скромно, безъ возгласовъ и заявленій, но успѣшно трудящееся духовенство. Введеніе въ курсъ семинарскихъ наукъ педагогіи и открытіе при семинаріяхъ воскресныхъ школъ закроетъ имъ уста; теперь уже будущіе пастыри и учители народа будутъ приготовляться и къ званію пастыря и къ званію учителя народнаго въ строгомъ смыслѣ этого слова—учителя или наблюдателя сельской народной школы. Вмѣстѣ съ тѣмъ введеніе этой новой науки начинаетъ вызывать литературныя силы наши въ области иной, такъ что и вы, читатель, проходившій курсъ наукъ въ семинаріи въ ту пору, когда не преподавалась еще педагогія и когда вы не имѣли возможности практически познакомиться съ педагогическими пріемами, теперь, благодаря вышеуказаннымъ книжкамъ, можете познакомиться съ основными правилами педагогіи. Правда, мало еще ихъ, но доброе начало ручается за хорошее продолженіе дѣла. Въ видахъ указать, кому нужно, на эти полезныя изданія, скажемъ о нихъ нѣсколько словъ.

Содержаніе ихъ, не смотря на сжатость объема, довольно богато.

Первая обнимаетъ предметъ воспитанія въ общихъ его чертахъ, не отличая его отъ обученія, и сообщаетъ напр. въ отдѣлѣ объ умственномъ воспитаніи немало полезныхъ свѣдѣній не только относительно воспитанія, но и обученія, предлагаетъ не мало добрыхъ совѣтовъ дидактическихъ, проэктируетъ устройство учебныхъ заведеній, указываетъ и распредѣляетъ въ нихъ предметы обученія, высказывая при этомъ довольно мыслей

новыхъ, смѣлыхъ и вѣрныхъ, напр. относительно языкознанія, искуства; намъ особенно понравились слова автора: «родъ человѣческій гораздо больше дѣлалъ бы дѣла, если бы меньше танцовалъ» (стр. 64); не мѣшало бы прибавить къ этому еще: «и поменьше въ карты игралъ»; или напр. относительно экзаменовъ: «испытанія, говоритъ авторъ, имѣютъ большую важность, но не какъ оцѣнка, а какъ поводъ и случай къ поощренію» (стр. 73). Мысль новая, идущая на перекоръ общему понятію объ испытаніяхъ и ихъ назначеніи; но если повнимательнѣе вдуматься въ дѣло экзаменовъ, то нельзя не согласиться съ авторомъ и не повторить того, чѣмъ онъ отстаиваетъ свою мысль: «оцѣнить можно только постояннымъ наблюденіемъ, принимая во вниманіе успѣхи и поведеніе ученика въ теченіе всего курса; на экзаменахъ это невозможно. Тутъ очень многое зависитъ отъ случая: усердный и способный во всѣхъ отношеніяхъ воспитанникъ иногда станетъ на испытаніи отвѣчать неудачно; а наоборотъ—лѣнтяй, но съ острыми способностями, подготовившись немного, можетъ сдать блестящій экзаменъ, какъ и бываетъ очень часто» и т. д.

Отдѣлы о нравственномъ воспитаніи и о лицахъ участвующихъ въ воспитаніи отличаются положительностію, твердостію и ясностію мысли—живой и задушевной; по всему видно, что авторъ по преимуществу глубоко проникнутъ этимъ предметомъ и владѣетъ имъ сознательно.

Если что можно назвать какъ будто недостаточнымъ въ разбираемомъ сочиненіи, такъ это, *во первыхъ:* замѣтки автора о физическомъ воспитаніи: онѣ сообщаютъ свѣдѣнія слишкомъ общія, такъ что воспитатель

мало что можетъ извлечь изъ нихъ для руководства въ своемъ дѣлѣ; онѣ даютъ только намекъ на то, о чемъ долженъ подумать воспитатель, а какъ достигнуть того и другаго, онъ долженъ искать совѣта, указанія въ другой книгѣ. Тѣмъ не менѣе общій очеркъ пунктовъ, на которые, по совѣту автора, долженъ обращать вниманіе воспитатель при физическомъ воспитаніи дѣтей, вѣренъ такъ что отъ замѣтокъ можно и не требовать больше. *Во вторыхъ*: мысль автора о раздѣленіи учебныхъ заведеній на три разряда, соотвѣтственно тремъ сословнымъ общественнымъ степенямъ, на высшія, среднія и низшія школы и на обязательное указаніе дѣтямъ высшаго сословія исключительно обучаться въ высшихъ, а дѣтямъ средняго— въ среднихъ и т. д школахъ, представляется односторонней и повидимому невѣрной. Но это собственно недостатокъ изложенія; а самый взглядъ автора на предметъ не лишенъ истины. Кто, напр., станетъ возражать противъ того, что обученіе простого народа должно и достаточно ограничить слѣдующими предмемами: *закономъ Божіимъ*, нужнымъ для крестьянина какъ христіанина, *чтеніемъ по церковной и гражданской печати, письмомъ* правильнымъ и чистымъ и четырьмя первыми дѣйствіями *ариѳметики*, нужными ему какъ сельскому жителю, наконецъ объясненіемъ *положенія о земскихъ и мировыхъ учрежденіяхъ* съ краткимъ обзоромъ дальнѣйшихъ основаній законовъ, относящихся до правъ и обязанностей, нужнымъ ему, какъ члену гражданскаго общества? При этомъ, конечно, такъ какъ всякій методъ преподаванія подраздѣляется на ученіе и упражненіе, можно посредствомъ упражненій передать ему свѣдѣнія изъ *географіи Россіи*, *изъ исторіи Россіи*

и русской церкви, познакомить съ рисованіемъ и черченіемъ, научить его церковному пѣнію и пѣнію вообще. Опредѣляющіе такую программу для низшихъ народныхъ училищъ всегда имѣли и имѣютъ въ виду, что она предназначается главнымъ образомъ для людей, которые, при какомъ бы то ни было развитіи государства, всегда будутъ заняты сельскими работами. Расширять же обученіе въ народныхъ школахъ, сообразно съ способностями иныхъ дѣтей, особенно одаренныхъ природой и составляющихъ нечастыя исключенія, было бы совершенно ошибочно. Тогда бы создались полуученые люди, недовольные своимъ положеніемъ, между тѣмъ какъ общая масса ничего бы отъ этого не выиграла [1]). Дѣло въ томъ, что каждое сословіе имѣетъ свое исключительное занятіе, служеніе обществу, и, сообразно съ тѣмъ, оно должно получать и образованіе въ школѣ, учебная программа котораго должна соотвѣтствовать будущей дѣятельности школьниковъ. Распространились мы объ этомъ предметѣ болѣе, чѣмъ бы слѣдовало, потому что мысль автора по этому предмету, на первый разъ, кажется односторонней и какъ будто идетъ наперекоръ современнымъ стремленіямъ къ сглаженію того, что есть рѣзкаго въ сословныхъ разностяхъ, къ сближенію всѣхъ слоевъ обществъ и къ нѣкоторой равноправности въ дѣлѣ образованія. Въ самомъ же дѣлѣ, все дѣло въ томъ, что авторъ выражаетъ свою мысль по этому предмету такъ, какъ будто онъ предлагаетъ какой либо совершенно новый порядокъ, имѣя

---

[1]) Подобныя мысли по вопросу о народномъ образованіи были высказаны, прекрасно и вѣрно раскрыты въ московскомъ губернскомъ земскомъ собраніи отъ 5 декабря. (См. Моск. Вѣд. 1866 года № 263.)

въ виду сословія, между тѣмъ какъ оно и безъ того, въ главныхъ чертахъ, само собою такъ ведется и иначе и быть не можетъ.

Во *второй* изъ указанныхъ книгъ излагается спеціальный, особый отдѣлъ изъ науки о воспитаніи, именно: изъ *теоріи обученія* предлагаются совѣты, содержаніемъ которыхъ служатъ: I, общій характеръ обученія, II, главныя формы или пріемы преподаванія, III, виды его и IV, устройство училищъ. Изъ самаго перечня главныхъ пунктовъ содержанія книги видно, что она еще болѣе и ближе, чѣмъ первая, стоитъ къ цѣли, которая преслѣдуется теперь возбужденнымъ и рѣшеннымъ вопросомъ о необходимости знакомить учениковъ семинаріи съ педагогикой и теоретически и практически. Авторъ, предлагая свои дидактическіе совѣты, прямо удовлетворяетъ насущной потребности, вполнѣ благовременно отвѣчаетъ на запросъ и преподавателей педагогики и слушателей ихъ, которые въ одинъ голосъ говорятъ: «давайте намъ пособія, руководства». Правда, отвѣчаетъ не на всѣ отдѣлы программы, а на одинъ только, но и за то большое спасибо; дорого все въ свое время. На первыхъ порахъ весьма важно было хотя на что либо опереться, когда не только полнаго руководства, но и программы науки не было подъ руками. Книга эта, безъ лишнихъ разсужденій, можетъ служить удовлетворительнымъ ученымъ пособіемъ для учениковъ семинаріи по педагогикѣ и именно по отдѣлу *теоріи обученія* [1]); тѣмъ болѣе, что она во всемъ почти сходна

---

[1]) Кое-какіе книги по этому предмету есть: «Начальное обученіе въ городскихъ училищахъ» составл. С. Шафрановымъ директоромъ училищъ С.-Петербургской губерніи; трудъ неудовлетворительный и мало приложимый къ дѣлу. Не гово-

съ той программой педагогики, какая утверждена Святѣйшимъ Сѵнодомъ, въ видѣ опыта для преподаванія въ семинаріи и прислана въ послѣднее время для руководства, предлагаетъ обстоятельные отвѣты именно на тѣ пункты, которые указаны въ той программѣ, и потому годна и какъ учебное руководство, имѣетъ неотъемлемыя достоинства. Въ разсужденіи изложенія, какъ написанная ясно, кратко, строго, послѣдовательно и раздѣльно, она весьма удачно приноровлена къ заучиванью: въ ней схвачено только существенное, такъ что заучка не будетъ дѣломъ механическимъ, а потребуетъ непремѣнно самодѣятельности со стороны ученика, когда каждая мысль, взятая отдѣльно, вызываетъ цѣлый рядъ новыхъ мыслей, сродныхъ ей, когда каждая мысль напрашивается на то, чтобъ провѣрить ее на опытѣ.

Вполнѣ пригодная для учениковъ семинаріи [1]), слушающихъ педагогику, какъ учебное руководство на извѣстный отдѣлъ этой науки, она несомнѣнно полезна и пригодна для всѣхъ учителей и наблюдателей сельскихъ школъ какъ потому, что касается живыхъ и существенныхъ вопросовъ ихъ дѣла, ихъ долга, такъ и потому, что предлагаемые въ ней дидактическіе совѣты истинно полезны и приложимы къ дѣлу. Возьмемъ

римъ уже о «Руководствѣ къ педагогикѣ и дидактикѣ» Ободовскаго, изд. въ 1835 году.

[1]) Сознавая безусловную пригодность разбираемой книги, какъ учебнаго руководства, по одному отдѣлу педагогики, мы предложили ученикамъ семинаріи кіевской пріобрѣсть ее для пособія при повтореніи уроковъ по педагогикѣ. И не можемъ не заявить при семъ благодарности автору книги, что онъ, сдѣлавъ значительную уступку въ цѣнѣ за книгу, далъ тѣмъ возможность пріобрѣсть ее и небогатымъ ученикамъ.

для примѣра одинъ изъ пунктовъ педагогической дѣятельности учителей и наблюдателей школъ, относительно котораго авторъ предлагаетъ свои совѣты, это *объ устройствѣ училищъ*. Пунктъ этотъ менѣе другихъ нуженъ и интересенъ для педагоговъ, ибо извѣстно, что устройство училищъ точнѣе всего опредѣляется положительными уставами и распоряженіями начальства. Тѣмъ не менѣе онъ поставленъ у автора такъ, что необходимость воспользоваться его совѣтами и несомнѣнная польза отъ принятія ихъ очевидны. Коснемся напр. хоть пункта объ *отпускѣ учениковъ изъ училища*. Чего обыкновенно въ этомъ случаѣ касаются предписанія правительства, распоряженія начальства? Они опредѣляютъ время отпуска, срокъ, до котораго онъ долженъ простираться, и только, а побочныя обстоятельства, въ педагогическомъ отношеніи между тѣмъ весьма важныя, предоставляются на усмотрѣніе учителя или наблюдателя школы. О чемъ напр. учитель долженъ напомнить ученикамъ при отпускѣ ихъ на праздники Рождества Христова и Св. Пасхи, равнымъ образомъ при отпускѣ на лѣтнюю вакацію, что долженъ внушить имъ и о чемъ сказать, при окончательномъ выпускѣ изъ училища? Вѣдь надъ этимъ иной разъ и призадумаешься; въ предписаніяхъ и распоряженіяхъ начальства объ этомъ нѣтъ ничего. Вообще уставы и распоряженія начальства большею частію касаются только общихъ пунктовъ того или другаго дѣла, а частныя стороны его, нерѣдко обусловливаемыя мѣстными обстоятельствами, предоставляются на усмотрѣніе учителя школы. Вотъ въ такихъ случаяхъ совѣты, подобные разбираемымъ нами дидактическимъ совѣтамъ, очень необходимы, какъ разъ во время.

Надобно замѣтить, что авторъ дидактическихъ совѣтовъ при составленіи ихъ руководствовался всѣмъ, что только до сихъ поръ написано на русскомъ языкѣ, и трудомъ одного французскаго педагога, по преимуществу практически знакомаго съ дѣломъ воспитанія и обученія—Брауна.

Въ заключеніе не можемъ не пожелать, чтобъ авторъ дидактическихъ совѣтовъ, при будущемъ изданіи ихъ, постарался о возможно приблизительномъ расположеніи ихъ согласно программѣ педагогики, утвержденной св. Сvнодомъ для преподаванія въ семинаріи, чтобы избавить преподавателей отъ необходимости, при строгомъ слѣдованіи той программѣ, дѣлать то перестановку, то сокращеніе, то прибавленіе нѣкоторыхъ пунктовъ, и чтобы дать безусловную возможность всѣмъ семинаріямъ имѣть ее учебникомъ. Начало труда положено; продолжить его сообразно требованію, полагаемъ, не совсѣмъ трудно. Но вмѣстѣ съ этимъ, да позволитъ намъ авторъ надѣяться, что онъ не ограничитъ своей дѣятельности на этомъ поприщѣ однимъ этимъ изданіемъ, а продолжитъ свой трудъ и предложитъ намъ совѣты относительно методовъ первоначальнаго обученія въ школѣ. Знаемъ по опыту, что дѣло это очень трудно; но то знаніе дѣла и умѣнье излагать его, какое показалъ авторъ при составленіи очерка общей дидактики, ручается за несомнѣнно удачное и приложимое къ дѣлу составленіе и частной дидактики или методики народной школы. Повторимъ прежнюю мысль: всякая вещь дорога и имѣетъ особенную цѣну въ свое время, когда живо чувствуется потребность въ ней и когда есть запросы на нее.

И. Э—скій.

ИЗВѢСТІЯ.

У священника церкви Успенія Пресвятыя Богородицы, что на Сѣнной, въ С-Петербургѣ, Константина Никольскаго, живущаго въ домѣ, принадлежащемъ этой церкви, можно получать слѣдующія его сочиненія:

КРАТКОЕ ОБОЗРѢНІЕ БОГОСЛУЖЕБНЫХЪ КНИГЪ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ,

съ приложеніемъ таблицъ, изображающихъ службы: вечерню, повечеріе, полунощницу, утреню и часы. 1864 года.

Эта книга, по опредѣленію Святѣйшаго Сvнода, отъ 22 января (17 февраля) 1864 года, принята въ руководство въ духовныхъ училищахъ. (Смотри Духовную Бесѣду 1865 г. № 47—Церковная Лѣтопись).

Цѣна экземпляру 25 коп., съ пересылкою 30 коп. Выписывающіе отъ автора за разъ не менѣе 10 экз. платятъ и съ пересылкою 20 коп. за экземпляръ.

ПОСОБІЕ КЪ ИЗУЧЕНІЮ УСТАВА БОГОСЛУЖЕНІЯ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ.

Изданіе второе, исправленное и дополненное 1865 г. (Въ большую 8-ю долю листа, стран. XVI и 779). Цѣна 2 р. 75 к. съ перес. 3 р. Выписывающіе за разъ не менѣе 5 экз. за пересылку ничего не платятъ.

Печ. доз. 14 марта. Кіевъ, 1867 г. Цензоръ *Н. Щеголевъ*.

Въ типографіи И. и А. Давиденко.

(Аренд. С. Кульженко, и В. Давиденко).